

Греет душу мне эта прогулка,
Где юности всполох огня,
Вдоль милого переулка,
Что памятью держит меня.

Здесь Зинка жила. Здесь Алка –
Подругою в детстве была.
За этой калиткой – фиалка
Ночная под вечер цвела.

Здесь – чей-то стоит «внедорожник»
(Порой его не обойти).
В сторонке – растёт подорожник,
Готовый на помощь прийти.

Ромашки в штaketник вцепились.
Крапива лопух обняла.
Лужок, где когда-то резвились.
Тропинка – травой заросла...

Вся жизнь наша, как мелодрама,
Тех лет не вернуть давно.
Есть дом. Живая мама,
Как прежде, глядит в окно.

Глядит сквозь сирени эти.
И двери открыть подойдёт.
Зовёт нас по-прежнему – дети,
И ждёт каждый день нас, ждёт...

Здравствуй, осенняя роща,
Здравствуй, сосновый бор!
Травы, что тихо ропшут,
Дорожки рыжий пробор...

У Господа дней не мало.
Сегодняшний – светел и сух.
Здесь я давно не бывала –
Жизнь. Как-то всё недосуг.

Здесь мне уютно, комфортно
Думать о чём-то, грустить.
Под звуки пиано и форте
Строки стихов находить.

Главный маэстро здесь ветер, –
Он задаёт ритм и тон.
Знает, за бал он в ответе,
Точен его камертон.

Чары раздольного края
Силой владеют большой.
Музыке вечной внимая,
Здесь исцеляюсь душой.

Земля всегда свой повторяет круг.
Природа возрождается цветеньем,
Сменяя танцы оголтелых вьюг
И гул метелей – звонким птичьим пеньем.

И снова быть июню, январю,
Как непременно быть весне и лету.
Земле встречать вечернюю зарю
И по утрам рождение рассвета.

Лишь нам ушедший день не повторить, –
Не стоит перед совестью лукавить.
Слов горьких нам уже не подсластить,
Судьбы ошибки не всегда исправить...

Как известно, сады отцветают,
Отпуская с ветвей семена.
Дни и ночи друг друга сменяют,
И меняются времена.
А, казалось, совсем лишь недавно
(Да буквально полвека назад)
Путь к «заре» был для каждого главным,
В людях рвение было, азарт –
Коллективный к работе стимул.
Все товарищи были, друзья...
А сегодня – в значении титул,
В уважении – графы, князья.
Только мы вот совсем не дворяне –
В этот ряд нас никак не вписать.
Мои предки – рабоче-крестьяне –
Мне не стыдно об этом сказать.
Вместе новую жизнь создавали,
Хлеб растили, скотину пасли,
О полётах на звёзды мечтали.
На парадах знамёна несли.
Сталь варили, дома возводили.
Честь и совесть старались блюсти.
Просто жили, любили, творили...
Класс рабочий теперь не в чести.
Все хотят – на счетах миллионов,
На гламурных тусовках тусить.
Разучились с душевным поклоном
Босиком по земле ходить...
Мы за Русь нашу в горькой печали,
Хоть и век двадцать первый не плох.
Просто связь поколений прервали
На изломе формаций, эпох.
Нам историю не переспорить –
Чему быть, того не миновать:
Что разрушено – заново строить,
И за Родину жизнь отдавать.

Качает ветерок
кормушки для синиц.
Касается перо
исписанных страниц.
Я вглядываюсь в ночь, –
она мрачна.
Не видно в небе звёзд,
отсутствует луна.
Поодаль фонарей
унылый жёлтый свет
Не пеленгует уж
далёкий силуэт...
А был ли он когда,
узнаешь ли теперь?
И есть ли он сейчас
в числе моих потерь?
А, может, был он средь
житейской суеты
Фантазией моей,
безумием мечты?..

Льют дожди. В лугах взрослеет лето.
Травы тяжелеют день за днём.
В днях прошедших тайной силуэта
К «восходящей» тихо мы идём.

Задыхаемся порой от острой боли,
От потерь теряем голоса...
И, стремясь к невидимой нам воле,
Мы глядим в ночные небеса.

Лист падёт, цветы сотлеют в пепел.
Всё померкнет как-то сразу вдруг.
Оборвётся нить нестройных петель,
Завершится срок, застынет круг...

Много лет промелькнуло уже
На житейском тернистом просторе.
О созвучной мечтаю душе,
Чтобы радость делить с ней и горе.
Я такую подружку хочу
(Это вовсе ни много, ни мало),
Чтобы боль, о которой молчу,
Без намёков она понимала.
Чтоб ни зависти в ней и ни зла.
Чтоб я силою не зазывала, –
А сама, между прочим, зашла,
Пошепталась со мной, помолчала.
На угасшие дула угли,
Добрый словом мне сердце лечила.
Поделиться чтоб с ней мы могли
Тем, чему нас судьба научила.
Только где же такую сыскать
И кому дать таких полномочий...
Свои чувства и мысли – в тетрадь,
Как на счёт, я внесу лунной ночью.

МНОГОЕ ИЗМЕНИЛОСЬ

Многое изменилось
с тех пор, как мы повзрослели.
Тогда самолёты кружили
небо на карусели.
Кланялся кран новостройке,
шеей жирафа блистая.
Басом рычал экскаватор,
котлован под фундамент копая.
Трактор по полю метался,
комбайны с достоинством плыли
В хлебах. На просторах бескрайних
косилки травы косили.
Кони ходили в ночное,
бурёнки в стада собирались.
Внуки в деревне летом
молоком парным угощались.
Колодца поскрипывал ворот.
Дымок устремлялся в небо.

Пахло на всю окрестность
мятой и свежим хлебом.
Плодами сады тяготились.
В хатах светились окошки.
К девушкам за околицу
парни спешили с гармошкой.
Всем у станка было место,
все на работу ходили.
Ждали зарю коммунизма,
сами же скромненько жили.
Дети охотно учились,
песни о Родине пели...
Многое изменилось
с тех пор, как мы повзрослели.

На ладонях родимой земли
Небеса мне судьбу рисовали,
Где крутые метели мели
И дожди, не стыдясь, танцевали.

Просыпался апрельский рассвет,
Пели радостно ранние пташки.
Это было назад много лет –
Родилась, говорят, я «в рубашке»

С первым криком навстречу весне,
Покидая исконное лоно,
Я жила уже в солнечном дне.
Преодо мной был весь мир в поклоне,

Видя новой души добрый свет,
Слыша ритм сердечного стука...
Так во мне зарождался поэт
От рассвета и чистого звука.

Над городом повисли сто огней.
Луна в ночи толстеет без зазренья.
И облачко ажурное на ней
Смещается, влекомое теченьем

Струй воздуха. Святая тишина
Опутывает сонную обитель.
Я чувствую, душою не одна,
Со мной всегда Всевышний-покровитель.

Я чувствую дыхание весны,
Гармонию и умиротворенье.
Из-под пера ложится на листы
Пролитое с небес стихотворенье.

Над городом огни. И звёздный свет
Посланием нисходит к сонным людям.
Но тайну разгадает лишь поэт,
Который до утра трудиться будет...

Наконец в наш город
приблудилось лето.
Обласкало тело,
отогрело кровь.
Опустился вечер.
Снова слышно где-то,
Как поёт пластинка
песню про любовь.

Мне под эту песню
что-то вдруг взгрустнулось,
Опьянил далёкий
аромат полей.
Что-то промелькнуло,
что-то встрепенулось,
Что-то оживилось
в памяти моей.

И волнует душу,
и манит куда-то
В милье до боли
отчие края,
Где – моменты жизни,
памятные даты,
Где прошла когда-то
молодость моя..

НОЧНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Вот дождь пролит и ветер стих.
И снова солнце.
А вот и вечер испарился
весь до донца.
Ночь распустила над землёй
по ветру космы.
И вновь безмолвствует над нами
тайной космос.
И мы на фоне уж не люди,
мы – людишки.
В его объятиях мы меньше
муравьишки.
И наши чаянья, стремления,
мыслишки –
Незначимы, как отсвет
слабой вспышки.
Захочет – звездопадом
нас украсит.
Захочет – как лампаду
нас загасит...

Опять зима на улице!
Как будто между делом –
То солнце в небе жмурится,
То туча пишет мелом.

Порывом ветра колетя,
Снежком запустит ловко –
Никак не успокоится
Погодица-плутовка.

Но манит март эротикой –
Безлиствицей весенней.
Прочь сапоги – нам ботики
Надеть бы в воскресенье.

Да тонкую косыночку,
Да покороче юбку,
Чтоб выглядеть красивее
Своей соседки Любки.

Пусть городу приветному
Дожди наводят глянец –
Пройтись по парку светлому, –
Пусть пригласят на танец.

Пусть чертовщинкой светятся
Марины, Даши, Милы,
Пусть несомненно встретится
Единственный и милый...

Отворила калитку осень,
Закружил листопад молодой.
Зашуршали по тропкам оси
Кареты её золотой.

А за каретой следом
Слуги её и пажы
Укрывают мой город плодом,
Раскрашенным от души.

Нарисовать успели
Чудесный её портрет.
А среди сосен и елей –
Судьбы моей силуэт...

Смотрит солнце в трюмо
Сквозь окно, так застенчиво, мудро...
Написать бы письмо,
Рассказать, как пришло ко мне утро.

Как улыбкой простой
Сон тяжёлый лучом растворило,
Как надеждой святой
Новый день для меня озарило.

Жизнь текла, как река,
Очертанием жёстка...
Я давно далека
От того перекрёстка.

Я встречаю рассвет
У другого окошка.
Топчешь ты много лет
Ту же пыль на дорожке...

Мне б письмо написать,
Да листок пожелтел и измялся...
Мне б письмо написать,
Только адрес давно потерялся...

Стынет ветка. В тумане трепещет
Умиравший лист на ней.
По-другому уж смотришь на вещи,
С каждой осенью всё грустней...

Всё острее увяданья дыхание,
Тяжелее на сердце кладь,
Как, в итоге, свечи догорание –
Её пламя нельзя удержать.

Строчки тоже тускнеют и блёкнут,
Не желают ложиться в тетрадь.
То ль ресницы, то ль стёкла мокнут,
И себе невозможно солгать.

И опять я, тоскуя по воле,
У окошка в раздумье сижу.
То ли мысли роятся, то ли
Шепчет осень: «Прощай, ухожу...»